

Анатолий Шатских

СКАЗКА

о футболе,
о кузымичах,
о трех богатырях
и о Стрельце,
виртуозе-удальце
(полная авторская версия)

Анатолий Шатских
Сказка о футболе, о кузьмичах,
о трех богатырях и о
Стрельце, виртуозе-удальце
(Полная авторская версия)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70337734
SelfPub; 2024*

Аннотация

Веселая сказка о футболе и о нашей жизни в стихотворно-смехотворной форме.

Анатолий Шатских Сказка о футболе, о кузьмичах, о трех богатырях и о Стрельце, виртуозе-удальце (Полная авторская версия)

Летописец

В тридевятом государстве во дворце переполох.
Царь носяся по палатам, всех гоняет словно блох.
Раздосадован. Во гневе. Бьёт всех палкой. Страшен рёв.
Вновь футбольная дружина не пробилася в плей-офф.

Царь Иван Кузьмич

Опозорили! Мазилы! А воротчик?! Вот дыра!
Проходной двор оборона! Где команда?! Где игра?!
На последнем месте в группе!.. Всех на плаху! Всех в
тюрьму!

От врача до массажиста всех в острог по одному.
Наш футбол, игра, резервы, густота травы на поле – под-

лежат переоценке,

Агронома стадиона, кстати, взять и тоже к стенке!

Летописец

И царю горшее втрое сей чудовищный провал,

Что его на стадионе он с Султаном наблюдал.

Пригласил коллегу, думал, что посмотрят на игру,

Что султанову команду сокрушив как детвору,

Царь пошлет намёк соседу. Утонченный.

Что подобную победу, мол, способен и на море также про-
сто одержать.

Если в геополитических вопросах будет кто-то нам ме-
шать.

Всё ж пошло наоборот. Колко, метко, между делом, со-
блюдая этикет,

Над царем самодовольно насмехается сосед.

Султан

Слушай, что, коллега, за атака у тебя, э? Я не пойму.

С метра, слушай, в небо! Мимо цели. Как так можно? По-
чему?

Я, конечно, прошу прощенья...

Царь

Нет, это... Это если посмотреть... С неглубокой точки

зренья...

Султан

Оборона тоже горе.

Вся такая у тебя, как на суше? И на море?

Не питай ко мне ты злобы. Да уж, да уж... Всё, молчу.

Не сердись. Не обижайся. Это, слушай, я шучу.

А голкипер! Ни на выходах, ни в рамке. Ни туда и ни сюда.

Но зато у вас алмазы! Газ, нефтянка, лес, слушай! Руда!

В недрах спрятаны. Не счесть.

Летописец

Царь краснеет, стать в ворота, встать за честь,

И короны и престола сам уже вот-вот готов.

Повинуясь самолюбию, мы ломаем кучу дров.

И, беда – Кузьмич завёлся. Кипятится, весь горит.

В возбуждении кричит.

Царь

Сборную порвём любую! Всех – кого не залюблю!

К мундиалю мира сказки наивысшая графа,

Будет стопудово наша в рейтингах самой ФИФА!

Султан

К мундиалю?.. За два года?.. Ох-хо-хо-хо-хо-хох!

Э, слушай, да! Мы с тобою короли,

Много можем, да. Но такой завал в футболе чтоб так быстро разгребли!

Не реально. Нет-нет-нет.

Царь

Не реально?! Нет-нет-нет?!

Так, всё, закончили обед.

Писарь! Писаря ко мне!! Бегом!!!..

Да лишь у дядьки Черномора, в чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря – три состава! –

Из пучины сразу выйдут в лучшем виде на футбольные поля!

Летописец

А Султан-хитрюга, давит! Давит будто башмаком

На уязвленную гордыню императора-царя.

Ум Ивана Кузьмича от эмоций задымился,

И Кузьмич – себе не власть, растерял все якоря.

Царь

Завершая этот спор,

Подмахнём с тобой сурьёзный, междержавный договор.

Писарь, пиши: отдам султану я полцарства своего,

Если сборная моя не поднимет мастерство... до того,

Что за два года – все слышите?! – первая графа

Будет прочно занята в рейтинг-списке у ФИФА

Тридевятым государством...

Султан *(смотрит договор и ухмыляется себе)*

Ага, так... Прекрасно... И, если всё ж не по плечу...

Так легко на сорок строчек прыгнуть будет Кузьмичу,

Половина его царства перейдет тогда... ко мне.

(царю)

Хорошо, написал, слушай, Кузьмич! Красиво! Посмот-

рим, что ж...

Царь

Договор во всём хорош?

Султан

Хорош, хорош.

Царь

Расписуюсь. Обязательства сии для меня впредь как за-

кон.

Султан

Подготовь в трёх экземплярах! В трёх! Мне, тебе, один в

ООН.

Царь и Султан расписываются на всех экземплярах.

Караван Султана томно по песку бредет обратно домой.

Султан *(сидя на верблюде)*

Ну попал Ванюша в сети. За два года! Вот чудак!
Устранить в своем футболе несусветный кавардак.

Летописец

А во дворце царь Иван сидит в уныньи на ступенечках
крыльца,

Всё безумие эмоций отступило от лица.
Трезвость мысли возвратилась и с султаном договор,
заключенный им в азарте, перечёл как приговор.

Царь

Вот же дурья голова! Сам! Полцарства! Задарма!
Отчекрыжил султанату. Леший свел меня с ума.

Ночь. Кузьмич в опочивальне извертелся весь без сна,
Рядом нежно Василиса, красавица жена,
То погладит, то прижмётся.
Государь лишь отбрыкнётся.

Не ведётся ни в какую он на энту шалость.

Василиса, конечно, – и это не скроешь – раздобрела ма-
лость,

С той поры как Иван-царевич по молодости – с чем и по-
пал в историю –

Сжег ее шкурку лягушачью и с трудом, но всё же одержал викторию.

Пополнела царица, но стала грациознее, краше. Подумаешь, чудок обабилась.

В целом, с переходом в новую возрастную категорию Василиса прекрасно справилась.

Да и Иван Кузьмич ее нисколько не разлюбил.

Просто договор с Султаном, всё животрепещущее в нём в этот вечер напрочь угомонил.

Потом царь довольно скоро заснул, и как всегда с прихрапой.

Царица царю посвистела. Царь затих. Тут же и сама ушла в сон тихой сапой.

Рано утром, с лучами солнца проснувшись, Василиса поперву делу

хотела, еще не открыв очей, по обыкновению провести рукой по телу

царскому,

но провела по пустой, еще чуть теплой постели рядом.

Царица

Государь наш... (зевая)... поди, уже балуется спортивным снарядам.

Летописец

За годы замужества царица научилась уже сама печь пирог
и ковры даже сама вышивает,

Правда премудрости чудок растеряла,

Но это с царицами и царями частенько бывает.

Царица села на кровать и, заойкав, вспомнила, что пол-
царства отдать придётся.

Задумалась – а где тогда линия рубежей государственных
проведётся?

Через кровать как пройдет? По диагонали?

Едва ли.

Скорее всего поперёк или вдоль.

Переползла на другую сторону ложа – вот ещё добавилась
головная боль.

Посмотрела на другую половину кровати, с недобротой
пнула ногою подушку как врага.

Поймала и отпустила муху,

Позвонила, заказала на завтрак: кашу с изюмом, кисель,
чаю и пирога.

А царь Иван Кузьмич, как только встал по утру, облился
холодной водой из таза,

Надел тренировочную корону. Пробежался. Сделал рас-
тяжку. Отжался, двадцать три раза.

Теперь ходит-бродит в раздумье по бережку над речкой,

На лужайке мяч почеканил, сильно в небо поддал его свечкой,

Ловко принял себе на темя. И ещё понабивал.

По воротам бил с подкруткой – пять ударил, два попал.

Ходит снова там-сям, задумавшись.

И вдруг слышит вблизи за кустом

Говор. Там, на солнце разомлев, девки разлеглись пла-
стом.

Загорают и щебечут о футбольном неуспехе, про полцар-
ства,

про ФИФА и какие от сих бед можно бы сыскать лекар-
ства.

Марфа

Сборной нашей по футболу явно нужно обновление,
У меня тут нет сомненья.

И я б для батюшки-царя

Родила бы... Вратаря!

Ловкого, прыгучего,

Мне такого бы под стать жениха б могучего.

Анфиса

С обновлением это верно, с перспективой ты права,

Но вратарь тут не спасенье, нужна в центре голова.

И я бы амператору как-нибудь бы к вечеру,

Под закатную зарю родила б... Диспетчера!
Надлежащего найти мне бы суженого,
Пусть и не красавца, даже с диалектом,
Но вот непременно чтобы с антеллектом.

Прасковья

Нет, всё это не спасает. Ведь, победу кто куёт?

Другие девицы

Кто?

Прасковья

Тот, кто быстр, гласт, мобилен, по воротам метко бьёт.
Коллектив футбольный наш стал бы побеждающий,
Если б у меня родился форвард бы. Блуждающий.

Варвара

Ох, всё это полумеры. И как хочешь ты вертись,
Но троими не спасись.
Чтоб нависшую угрозу задавить всю на корню,
Я б для батюшки-царя родила бы шестерню.
Трое – в линию защиты. Без опорного никак –
средней линии герой, волнорез чужих атак.
Ну, а двое в нападение...

Марфа

Ты объелась, что ль варенья?

Про *реальную* поддержку амператору-царю,
Изнывая тут на солнце, я всё время говорю.

Варвара

От варенья не рожают,
По-другому улаживают.

А в словах моих ни капли нету хвастовского.

Царь *(за кустами)*

Ну, а что? Ежели подумать, то, в принципе, толково.

(осматривается по сторонам, начинает развязывать кушак и снимать портки)

Территорию похоже мне никак уж не спасти,
Но футбол свой к чемпионству всё ж я должен привести!

Пусть не двое лет уйдёт, двадцать восемь,

Но бороться до финального свистка мы не бросим!

(вдруг осекается и застывает со снятыми портками)

Стоп. В одиночку вратаря или инсайда я горазд, я махану,

Но всю сборную внебратно... ужо вряд ли потяну.

(натягивает порты, потом вновь смотрит через кусты на стройных красавиц)

А с другой же стороны... Что не сделать для страны!

Виртуозы-игруны очень остро мне нужны!

(снова принимается быстро снимать портки)

Иль совсем мы неумёхи тщедушные!

Чай, не замки иду строить воздушные.

(вдруг снова застывает со снятыми штанами в руках)

Ну, а как же Василиса... Моя стройная лоза?..

Как же буду я смотреть-то в её милые глаза?..

Нет...

(решиительно натягивает штаны)

Чемпионство, я клянусь, приобретём!

Но задачу я решу другим путём.

Я теперь и не прыгуч, и не так уж ловок,

Нужен уровень другой для этих вот чертовок.

Я в футбол хоть сам гонял и не так кургузо,

Но токма за «политех», лишь в первенстве по ВУЗам.

Летописец

Делово кусты раздвинув, царь наш вышел на полянку.

Визги, панику, кокетство вмиг пресёк.

Царь

Не на гулянку!

К вам, красавицы, пришёл я, нет. По делу.

Поручаю вам ответственный вопрос как спецотделу.

Обстановка вокруг нас международная,

В целом стала слишком очень сумасбродная.

На пространство наше появились претенденты,

Каждый метит, вишь ты, в мировые президенты.

Вас услышал. В общем, так. Для перспективы и для дела

согреша,

Мне создайте ДЮСШа.

Пропитайтесь, я прошу, победы жаждой,

А жениха с подходящим амплуа подберем для каждой.

Марфа

Нам бы, ваше величество, покрасивее. Вы простите меня дуру.

Царь

Ты создай инфраструктуру!

Мирового образца!

А красивый, не красивый – морс не пить с его лица.

В общем, женских сил ради нашего футбола не жалейте,

И небылицу – будто все пинают мяч, а выигрывает немец – развейте.

Демографию футбольную сообща подправим,

И футбол наш с чемпионством поздравим.

Как мне видится, будущность и для вас тут тоже очень лестная,

Так как перспектива в женском смысле и сама по себе архи интересная.

Летописец

А Василиса в саду, на качелях. И, мягко говоря, не хохочет,

Отделять половину кровати Султану ну не как не хочет.

Будто уловив царицыно тягостное психологическое состояние,

Паучок на яблоне, блеснув алмазом на спине, затеял себе вязание.

Золоченой паутины меж ветвей нитку тянет.

Узор расширяется, расширяется, расширяется...

Чародейственный замысел плетётся и воплощается...

В тот же самый день, но в нашей с вами реальности,

Надменно претендующей на бóльшую степень материальности,

Ровно в то же самое время в компьютерном классе в школе,

физрук Валентин Кузьмич вырубил электричество.

И у школьников в решающий момент компьютерных утех погас монитор.

Физрук очень не любил когда школьники слабовольно меняют простор

свежего воздуха спортплощадки на подчиненность бездушным симуляторам.

И не сомневался, что отсутствие света вынесет, подобно мощным вентиляторам,

школьников из душного класса на взаправдашнюю спортивную арену.

Но исчезнувший свет совершил несколько иную, довольно странную перемену...

Валентин Кузьмич *(в классе в кромешной темноте)*
Школьники... Школьники... Эй, куда пропали? Где вы?

Летописец

Физрук в густоту темноты мгновенно храбрецом бросается,

На что-то натывается, обо что-то ударяется.

И будто куда-то внезапно проваливается.

Летит как по трубе... Приземляется.

И находит себя в лесу, в кустах.

Осматривается, и не может понять, как он очутился в этих странных местах?

А над ним, сверкнув в листве алмазом, паучок распустил паутинку.

Свернул её в клубок и бросил ему под ноги на тропинку.

Клубочек, попрыгав перед Физруком как футбольный мяч,

Уверенно произнёс: «Маршрут построен».

И пустился вскачь.

Валентин Кузьмич – а что оставалось? – двинулся за ним.

Паутине, ведь, даже свернутой в клубок, сегодня почти каждый уже подчиним.

Учитель физкультуры идёт себе по дороге за клубком браво.

Клубочек уведомляет: «Через 50 сажёней поворот направо».

Поворачивают, и Кузьмич натывается сходу на высокорослого паренька.

Пытаются разойтись, да никак. Хотя тропа их не так чтобы и узка.

Валентин Кузьмич влево-вправо, и каланча сюда-туда.

Валентин Кузьмич

Ну? Долго будем танцевать? Не обойти не перепрыгнуть. Балда.

Летописец

Долговязый виновато даже покраснел от стыда.

Кузьмич прокашлялся в ладонь тактично.

Долговязый и это воспроизвел идентично.

Тогда Кузьмич почесал себе лоб.

Машинально и парень себе поскрёб.

Валентин Кузьмич

Ну, нашлась ещё потеха. Переимчивый как эхо.

Ладно. Видишь на мне два уха? Я иду, вот, – в сторону него.

(показал на одно ухо)

А ты обходи меня стороной сбоку вот с того.

(показал на ухо другое)

И не перепутай смотри, каланча. На счёт три пойдём.

Раз, два, три!

(расходятся наконец)

Вот теперь можем идти своим путём.

Да, слушай! А где я? Куда меня занесло? Что за место такое чудаковатое?

Каланча *(осматривая его одежду)*

Ну ты смешной. Смотри ни кому так больше не говори. Это же Три-де-вя-тое!..

Летописец

Каланча хмыкнул, не скрывая удивления своего неподдельного.

А наш Кузьмич, тот, в смысле, который из мира нашего, Каланче параллельного,

Тоже хмыкнув, пошёл за клубочком, весело объявившим ему своё.

Клубочек

Маршрут построен.

Валентин Кузьмич

Ну что ж, давай, клубок паутины, положимся и дальше на

твоё чутьё.

Летописец

Отмахал наш учитель физкультуры ещё сажёней так с во-
семьсот,

Вышел к маленькому городку и раскрыл изумлённо рот.

Все здесь от мала до велика гоняют в футбол.

Крестьяне, ремесленники, купцы и даже бабы, задрав по-
дол,

Везде футбол! Повсюду, насколько хватает гла́за.

Впечатление такое, будто в каждого проник мяченóгий
вирус, проказа.

Тренируются, не жалея себя. Жонглируют, набивают мя-
чи,

Но уровень как-то не очень, играют не особо умеючи.

Как подметил Кузьмич про себя: не даётся всё же игра
большинству.

Кое-что объяснил ему лозунг на плетне:

«От массовости к мастерству!».

Валентин Кузьмич

Что за населённый пункт такой?

Клубок, ты же ориентируешься в этом инобытии.

Клубочек

Местность эта зовётся «Весёлые ручьи».

Валентин Кузьмич

Х-эх... То-то я и смотрю, «Весёлые ручьи».

Летописец

Физрук всё же не удержался, собрал вокруг себя мальчишек

И напоказывал им всяких финтов и футбольных фишек.

Потом деловито, походя, дал местной команде несколько тренерских советов,

И та, хоть и явно состояла не из атлетов,

Вытащила игру – сравняла и вырвала, как снег на голову, победу!

Весёлоручьёвцы ликовали и обратились к Валентину, как к великому футболоведу.

Весёлоручьёвцы

Помоги ты нам, уважаемый! Царь наш Иван Кузьмич,

Обязал все города и сёла иметь, хоть пляши, хоть хнычь, футбольную команду. А если она не наберёт запас очков, установленный на сезон, и не подготовит минимум двух

новичков,

достойных в сборную, а та не взлетит на сорок вверх этажей,

То поднимут стократно коммунальных нам всем платежей.

Валентин Кузьмич

Что сказать... Просьба ваша застала меня врасплох.

Уровень-то вашего футбола, не просто слабый, а чудовищно плох.

Как?! Откуда я вам здесь приличный футбол-то рожу?!

К тому же мне надо к себе обратно. В школу.

Я через неделю в отпуск же ухожу.

А тут с вами заработаешь три грыви.

Кроме того, я, ведь, не футболист.

Моя основная специализация по жизни – лыжи.

Ну играл иногда с друзьями в дыр-дыр,

Не на большом поле даже,

У себя дома, возле Чернавского моста летом на пиво, на пляже.

Весёлоручьёвцы

Просить-то нам больше некого. Помоги!

У нас в Тридевятиом как? Коль есть с деньгами тугой мешок,

Купят и игроков, и тренера ахового,

И клуб хоть к солнцу совершит прыжок.

А у нас злата нет, и команда уровнем наша ниже цыплячьего,

Всякий отдувается на нас и пинает ногами на поле как лежачего.

Да ещё судейским корпусом правит мздоимец, мошенник
Соловей-разбойник.

Денег не дашь – в игре так насвистит негодник!

А мы чем можем его ублажить?

Бюджет наш общий и личный каждого жутко убог.

Валентин Кузьмич

Сочиняйте тогда уж сразу про меня некролог.

И не помочь, вроде, вам в такой ситуации тоже нельзя...

Не возможно из этой, вот, футбольной слякоти да сразу
взлететь в князя.

Весёлоручьёвцы

Просим тебя! Очень просим! Дал бы ума ты футболу на-
шему непутёвому.

А мы, ты не думай, возьмём тебя на довольствие. Скинем-
ся по целковому.

Пособи, заступник! Заборись! А мы, как рекруты, тебя во
всём слушать будем, значит.

Валентин Кузьмич

Заборись... Нет, нет. Чемпионат-то ваш вялым перцем за-
чат...

Клубочек

Маршрут перестроен. Через сто сажёней камера наблюде-

ния.

Через три версты – тюремная.

Валентин Кузьмич

Ну и порядочки... Крута тут, я гляжу, ваша жизнь иноземная.

Эх, ладно!.. Пропадай всё пропадом! Берусь! Жалко вас. Но тогда по позициям – то, что хорошо бы прямо сейчас. Перво-наперво: вратарь, защитник, игрок умного в се-

редину,

Ну и без двух острых нападающих – это просто голову на гильотину.

Вот уже, пожалуйста, сходу насчитал целых пять.

И это в пожарном режиме, только, дыры чтоб залатать.

Ну, а там физуху, структуру игры и прочую необходимую ерунду,

Придётся уже всё подгонять по-быстрому, на ходу.

Летописец

Тут же и сразу первая игра под руководством физрука.

Но, не игра, а слёзы.

Крупно попали.

И такое впечатление, что на поле бегали не игроки, а тяжеловозы.

Все до одного гола – нелепые ошибки и самопривозы.

Озаботился Валентин. Уединился и чешет репу свою:

Зачем он ввязался в это? Что делать? Как выстоять в этом бою?

Валентин Кузьмич *(глядя в свое отражение в луже)*

Ну, думай, Валя, думай, из чего команду лепить, да где брать кого?

И как меня занесло, не понятно куда!

Без мобильного. Без загранпаспорта. Да практически, без всего.

Клубочек

Маршрут построен. За кряжистым дубом поворот налево по тропе.

Летописец

Пошел наш физрук за клубочком и вышел к какой-то избе.

А там в саду мужик с бутылкой бражки.

Но только он махнуть из чашки,

Собрался, вдруг его жена,

Бутылку вырвала, и, – нá!

Её о камень. Вот мгновенье и в осколки

Разбрызжится с напитком склянка.

Но мужичек подобно пчёлке,

Метнулся, взвился и гулянка,

Не завершилася его. Поймал бутылъ.

Над самым камнем. Этот стиль,
Реакцию и мастерство аплодисменты
наградили, ура-восторги, комплименты
сбежавшихся односельчан.

Смотреть на этот балаган
Видать им было не впервой.
Всё возобновилось за собой:

Попытка выпить, бутылка, кинутая в камень,
Прыжок успешный, гром оваций, пламень
укоров от супруги, улыбка бражника пред тем,
как снова попытаться выпить. А затем:

Бросок, еще бросок, то в эту сторону,

То в ту фигура бражника в струну

Растянута опять в полёте,

И плод желания в руке!

И снова Бражник наш в почёте!

Прелестна стать в его прыжке.

Горды сельчане земляком. Восторг. Всё утопает в восхи-
щеньях.

Мужчины есть в русских селеньях!

Валентин Кузьмич

Отличный кипер. В классной форме.

Вот кто поможет мне в реформе.

Летописец

Но только это он сказал, раздался звон посуды битой.

Один гол Бражник пропустил... Лежит подобно птице сбитой.

Всего один лишь, вроде, гол, но он и сделал поединок.

Счёт ноль-один разбитых крынок.

Печальна драма вратаря после просчёта рокового.

Жена его, как бомбардир, вонзивший «банку» со штрафного,

Ликует, празднуя удачу, танцует весело и скачет.

Физрук, как опытный психолог, узрев, что Бражник чуть не плачет,

Отвёл его в сторонку, показал осколки. Жестикулируя руками,

разъяснил, что путь к победам никто не выстелет коврами,

А мастерство, мол, требует огранки и спать нам на достигнутом негоже.

Иначе лишь себе дороже.

И снова предъявил осколки.

И было слышно – взвыли волки

в душе у Бражника Петра

при виде их. И, вот, в воротах он с утра.

Как тигр рвёт, как тигр мечет.

Вспотев, как проклятый ишачит.

Вот иллюстрация того, что мотивация в футболе значит.

Валентин Кузьмич *(рисует схему команды на песке)*

Проблема вратаря закрыта.

Но, вот, опять же, где защита?

Кем укрепить мне оборону?

Кем нападение? В центре зону?

Летописец

Из-за несносных своих дум об укреплении состава,

Про сон, еду физрук забыл, наружность стала худощава,

Все полушария изгрыз себе, сродни бойцовским злым

бульдогам,

Но видит вдруг – вот утешение тревогам –

Богатырей. Илья, Добрыня и Алеша – как на картине в галерее.

Да только не верхом в седле, а, что для Кузьмича важнее,

Увлечены активно спортом.

Илья пробежки тренирует, резкость, спринт, рывки.

Валентин Кузьмич

Вот это да!.. Ну, мужики...

Когда бежит такая мощь, тут оробеешь поневоле.

Таранный форвард идеальный при атакующем футболе.

Летописец

Тут Илья Муромец пнул пень, и тот как мячик унесло.

Физрук лишь восхищённо крякнул: О-о-о-о...

Прыгучесть развивал Добрыня. И покорялась высота.

Валентин Кузьмич

Вот это да... Игрок – мечта!

Бесценен будет он в штрафной.

Второй этаж весь будет нашим. Вот парень... Просто чумовой.

Летописец

Растяжкой мышц овладевал Алёшка. Весь изгибаясь, уселся лихо на шпагат,

Узрев периферией глаза идущих вдалеке девчат,

Ну изгаляться перед ними – то так растянется, то эдак.

То сальто крутит для кокеток.

Вертнёт какой-нибудь кульбит,

И на девчонок поглядит.

Физрук в восторге поневоле.

Не от прыжков.

Валентин Кузьмич

Как он прекрасно видит поле!

Как быстро барышень узрел.

Плеймейкер – вот его удел!

Летописец

В своих намереньях упрям,

Физрук идёт к богатырям.
И сразу в лоб им, сходу прям,
Он выражает восхищенье
Спортивной, значит, формой их.
Выказывая уваженье, сердечно просит всех троих.

Валентин Кузьмич

Ну, помогите, мужики,
Такие только игроки,
Как вы, команду вытащат из бед
Без вас не видеть ей побед.
Без вас в ней голос чахл и слаб.
А вы совсем другой масштаб.

Летописец

Богатыри расхохотались дружно.
И отвернулись равнодушно, чтобы продолжить трениров-
ку.

Физрук не скис, сыскал и им мотивировку.
Рванулся он в атаку смело
на витязей и выдал всё, что накипело.

Валентин Кузьмич

У вас чуть-чуть хоть совесть есть?
Стоите, ржёте три быка, три эгоиста, три качка!
Собою только заняты. Для вас пустое слово честь.

И сострадания людского вы видно напрочь лишены.
А в книжках пишут вы герои! Нормальные, мол, пацаны!
Вы же отсюда, местные, из здешнего, ведь, угла?

А я нездешний, а больше вас, вот, почему-то болею за ту-
тошные дела.

Нет у вас к самим себе уважения!

Не от себя, от населенья,

Прошу, красивых этих вот краёв,

Я представитель всех слоёв:

Работников, купцов, мещан посадских и крестьян.

Летописец

Физрук завёлся, стал румян,

И с пылом, горячо повёл работу меж богатырей.

И разжевал, и пристыдил, и отчитал. А те его ещё бурей

От стыдобы.

Стояли будто школяры пред педагогом виновато,

На справедливые упреки, не зная, что и возразить,

Лишь лица опустив хохлато.

Физрук махнул на них рукой, замяв затеянный скандал.

Пошёл обратно, не состоялась вербовка.

Но сделал несколько шагов, как голос Муромца нагнал.

Илья Муромец

Эй ты! Где и во сколько тренировка?..

Летописец

И вот в разгаре тренировочный процесс весёлоручьёвцев в обновленном уже составе.

Во всю подтягивает функционалку команде Кузьмич.

В конце тренировки провёл двустороннюю игру дубля с основой,

Разъяснил подопечным суть своей тактики для них новой,

Как взаимодействовать и какие задачи должен решать на поле каждый игрок.

Огорчало Валентина то, что в обороне остались дыры, гуляет пока ещё ветерок.

Но, тут он глядь, на дороге разойтись не может с прохожим знакомый ему Каланча,

Не даёт ни в какую пройти – прохожий влево-вправо и этот с ним.

И осенило тут Кузьмича.

Валентин Кузьмич

Вот кто мне нужен! Вот он родимый.

Вот он. Вот он не-про-ходи-мый.

Летописец

И подбежал, схватил за руку, на радость прохожему увёл, улыбаясь блаженно-счастливо.

Валентин Кузьмич (*Каланче*)

На-ка, вот форма. Переодевайся. Живо!

Летописец

И повалили у команды ФК «Весёлые Ручьи» одна за другой победы.

Да какие! Её игрой даже всерьёз заинтересовались искусствоведы.

Изящная игра, утончённая, с фантазией, просто на загляденье.

Громили соперников в каждом туре, внушая к себе громадное уваженье.

Петя-бражник невероятные чудеса творит в воротах,
Алеша Попович, как диспетчер, шьёт кружева и разгоняет атаки на крутых оборотах,

Добрыня – с края, Илья – в центре форвард, таранят, нагоняют на вратарей страх,

А Каланча в защите не даёт никому себя обойти, всю оборону держит на своих мощах.

Но украшением команды был паренек, неброский с виду, сутуловатый,
местный, из стрельцов.

Ещё юный совсем, но как умно играл, в центре под Ильёй, свет не видывал таких удальцов.

И всё бы хорошо, но кое-кому эти победы стали как под ребро нож...

Был там у другого Кузьмича, того, что на троне, Ивана,
среди придворных рож,
Один особо шустрый пройдоха, в царские палаты вхож.
По должности Главный Опричник, шельмец.
Дабы правильно всё увидеть что случилось, ворóтимся-ка
мы обратно туды, во дворец.

Во дворце.

А во дворце царь Иван Кузьмич, пообедав плотно,
И на жизнь не ропча,
Изучает сетку розыгрыша Кубка по футболу
Имени самого себя, царя Ивана Кузьмича.
Результаты вписывает, сам с собою полемизирует,
Смотрит, как клубы сыграли в последнем туре,
Рыжий свой ус грызёт и анализирует,
Всё ли в его футбольном хозяйстве в ажуре.

Царь

Гляди-ка ты! Как идёт ФК «Весёлые ручки»,
У них кто там играет-то, чьи?
В Кубке уже дошли до четвертинки финала. Гляди-ка ты,
без выигрыша ни шагу!
И в первенстве – пять туров подряд соперников рвут аки
туалетную бумагу.
Я полагаю, это нашему футболу должно быть ко благу.

С кем у них следующая игра-то? Надо будет сходить позрети на их мяченокую ватагу.

ГлавОпричник

Ваше величество, я вас умаляю. На что смотреть. В футболе часто такое бывает.

Вспыхнет команда из тьму-таракани на две-три игры, потом накушается и исчезает.

Царь

В горней части таблицы «Ручьи» эти уже как-никак.

Парадоксальность очевидна данного момента,

С точки зрения, конечно, глядящего со стороны на пинающего мяч субъекта.

Подожди, а, что за тренер у них?

Кто таков, что за птица, чьих?

Главный Опричник

Типичный выскочка-самозванец, ваше величество. Я уверен, не всё тут чисто.

Сто процентов, что хочет за счёт нас с вами, простых болельщиков, жить пушисто.

Царь

Тебе я поручил о футболе моего царства бдети.

Ты и валяй, выявляй, кому цветы, а кому темницы клетки.

Главный Опричник

Мошенник как пить-дать. Архиплут. Бестия. Не исключены подкуп и договорняки.

Я лично проконтролирую судейство этой команды и каким манером она берёт очки.

И я бы на вашем месте, Ваше величество!

если жулик!

подрывающий нам реформы футбольные!..

Царь

Отрубить голову! При полном стадионе!

Где будет уличён там и пресечь деянья крамольные!

ГлавОпричник

Вот именно. Дабы не доили нашу игру любимую всякие, Дёргая её аки бурёнку за соски.

А нас с вами не принимали за, пардон, ничего не кумекающие в мяченожестве тюфяки.

У нашего футбола, Ваше величество, есть подлинный лидер –

Футбольный клуб «Опричник».

Идёт, честь по чести, первый.

По всем статистическим показателям отличник.

Я бы на вашем месте, ещё дофинансировал его и сделал основой сборной Вашего величества.

Есть, конечно, свои трудности в завоевании мирового
футбольного владычества,

Это неизбежно, вы понимаете,

Но с такой базой можно будет накрутить нос и султану.

Царь

Ох, соколик, не тёр бы уж ты мне наждачной бумагой ра-
ну.

ГлавОпричник

Ваше величество, если добавить ФК «Опричнику» ещё
легионерчиков трёх-четырёх,

Да занатурализовать их хорошенько!

То султана-жучилу проучим! Получит он от нас подвох.

Царь

Чтоб он у себя в песках своих аспид от любви безответной
усох.

ГлавОпричник

Усохнет. Усохнем, мы его нашими реформами, я имею в
виду.

Сразу, Ваше величество, как только наше мячеленое ка-
чество повысится

И перейдёт в забитых голов количество.

Царь

Реформы футбольные по стране Тридевятой нашей идут активно?

ГлавОпричник

Всех им сопротивляющихся я прижимаю к ногтю лично, быстро и превентивно.

Массовость и широта охвата реформами мяченокими исторически небывалые.

Играют люди с радостью!

И те, кому завтра на тот берег с Хароном, и едва ещё годовалые.

Игры проходят и в зной, и в стужу, просто наблюдать приятно.

Намеренно перешли на новую заморскую систему розыгрыша: зима-зима и обратно.

Восторженно носятся у меня по полю все!

От здорового до тяжелобольного.

Это я, конечно, извините, утрирую не много.

Царь

Хорошо бы по боле поднять посещаемость.

ГлавОпричник

Ваше величество, стадионы битком,

Просто небывалая народособираемость.

Но для пущего её повышения можно, скажем, проводить лотереи.

Народ у нас любит же всякие нерво-щипательные рулетки-затеи.

Например, у кого гардеробный номерок совпадет с номером игрока,

забившего гол, тому отрубают голову.

Болельщик, ведь, любит пощекотать себе нервы слегка.

Летописец

Ночью не на шутку встревоженный, в палатах Главного футбольного приказа

ГлавОпричник встретился тайно с разбойником-Соловьём,

И проголосовали единодушно, оба, вдвоём,

За поправки в Правила первенства футбольного,

в угоду ФК «Опричник», разумеется. И придумали мимо порядка протокольного,

Как остудить пыл разыгравшихся борзо «Весёлых ручьёв».

Главный Опричник он, ведь, ещё из тех делопузых дядьёв.

На раскрутке игроков через сборную, да их затем продажу,

кует своё золотишко. Владея букмекерской конторой,

себе на пользу содействует коррумпированному арбитражу.

За попадание в сборную с игроков тянет деньгу,
А про отсутствие результата гонит царю всякую пургу.
Оправдывает скудостью футбольного поколения,
Неурожайностью оного. Шустрит также на клубном
трансфере, без зазрения
торгуя игроками. Любой ценой, не ради престижа царства,
а для личного обогащения.

Очередной тур. ФК «Весёлые ручьи» встречались с командой Ямского приказа.

Игру шили легко, с импровизацией, словно би-боповые кружева джаза.

«Ямщики», что делать не зная, метались в полной растерянности по полю.

Валентин Кузьмич же своих с бровки, то ругал, то хвалил, накричался вволю.

«Весёлые ручьи» прибрали все нити быстро под контроль
И к восемнадцатой минуте счёт на табло уже три – ноль.
Стрелец кичливых ямщиков метелью бурной закружил
И им в салазки, как стоячим, три банки лихо отгрузил.
Игра на выезде, однако, уже на стороне гостей расположе-
ние трибун,

Им посвящен и шквал оваций и восхищения тайфун.

Спортивный театр полон; вип-ложи блещут;

Все сектора, ряды, проходы, Восток-Юг-Запад-Север –
всё кипит;

Труба трубит, знамёна плещут,
Фан-сектор празднично шумит.
Блистательный, полувоздушный,
Смычку волшебному послушный,
Соперниками окружен,
Бежит Стрелец; бежит, и он
На пяточке трёх, как детей,
Раскидывает без затей,
Прошёл финтом опекуна,
Защита вся обведена,
Вот тет-а-тет на вратаря уже торпедой резво мчит
И вдруг прыжок, и вдруг летит...
Исподтишка, прямой ногой соперник-варвар встык идёт
И быстрой ножкой в ножку бьёт...

Лицу придав принципиальность,
Весь непредвзятость и нейтральность
Судья лишь мимо пробежал
И чтоб играли показал.
Стрелец лежит. Пенальти нет.
Стрельца уносят в лазарет.

На стадион Опричник главный входит,
Идет меж кресел по ногам,

Двойной лорнет скосясь наводит
Туда, где вдруг увидит дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел. Лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С придворными со всех сторон
Раскланялся, потом на поле
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул.

Главный Опричник

Чуть прикоснулись в лёгком фоле,
И он вдруг на те, вам, упал.
Не футболист, а театрал.
Балеты долго я терпел,
Даже Дидло мне надоел.
А уж вот это.

«Весёлые ручьи» вдруг вознесли все до небес!
У них передовой футбол? Тупик, пародия, регресс!

Летописец

Спесиво встал, и вышел прочь со стадиона.
За ним засуетились и свалили все, кто тусуется у трона.

Недовольство ушедшего ГлавОпричника цифрами на таб-

Пробежало морозцем по спине арбитра, и его понесло.
Забегал взад-вперёд как жареный.

Весёлоручьёвцы вели 3:0. Потом два пенальти. Бражник
оба отбил и был удалён.

Ни за что. А далее ещё бешеннее разыграл судейский гор-
мон.

3:3 они сравнивали. Всё с пенальти. Потом ещё удаления:
Илья, Добрыня, Попович, Каланча.

Вышел тогда от безысходности сам физрук играть и на
злости забил два мяча.

5:3. Но тут ещё два пенальти – 5:5. И гол из трёхметрового
офсайда как итог: пять – шесть.

Обидное поражение Кузьмича, да такое, что легче живого
ежа зажевать и съесть.

За судейство наказали, конечно, не судью,

И не тех, кто за ним – зачем подставлять свой котелок.

Судейский комитет принял решение, что во всём виноват
не арбитр, а его свисток.

В Тридевятом царстве причины со следствием путали всё
время,

И, не истребляя причины, накладывали на последствие
наказаний бремя.

Отбившийся от губ свисток расплющили кувалдой, дабы
не судил больше на заказ.

И свисток испустил дух, протяжно и тихо присвистнув в

последний раз.

Ночь. Физрук в постели, но не поддаётся его организм спячке.

Всё полощутся в голове одни и те же мысли, как мокрое бельё в тазу прачки.

Куда бежать? Как вырваться из такого футбола? Впереди маячит одно – дыба!

Искрутился весь на кровати Валентин Кузьмич словно на сковороде рыба.

За окном где-то тоскливо собака завывала. Кузьмич поднялся. Почесал лоб.

Обулся. Оделся. И быстро засобирался, куда глаза глядят бежать чтоб.

Тут вдруг появился и Клубочек паутины, слегка пьян и явно расстроен.

Печально вздохнул:

Клубочек

Ну что же, раз вы так решили, маршрут, эт-самое, построен.

Летописец

Кузьмич подошёл к двери хаты. Открыл. Вышел и оказался...

В своей школе, в коридоре.

И всё здесь так, как будто он никогда и не был ни в каком потустороннем форс-мажоре.

Школьники бегают. Звуки автомашин за окном. Физрук пошел по коридору.

Остановился, задумался.

Валентин Кузьмич

Что же это я? Получается сбежал? Проиграл к своему позору.

Да ещё кому?! Какому-то сказочному фольклору!

Летописец

Кузьмич вернулся к двери компьютерного класса, через которую пришёл обратно.

Открыл. Зашёл в темноту. И очутился...

В Веселых Ручьях, в хате. Ну, впрочем, это вам и так понятно.

Валентин Кузьмич

Проигравшим уйти. Да нет, не так я устроен!

Летописец

А перед ним радостно, как собачка прыгающий Клубочек.

Клубочек

Маршрут построен!..

Летописец

После этого вы, конечно, подумали – дальше всё ясно:
вернулся в сказку, всех победил,

На дочке царя женился, тещу чрезвычайно премудрую себе заполучил.

Знаете, в нашей реальности Кузьмич, возможно, всё может быть точно так и наворотил.

В нашей жизни оно всё примерно вот эдак так чаще всего и бывает.

А в настоящих сказках всё гораздо сложнее.

Небыль с былью, вообще, часто не совпадает.

Той же ночью Главный Опричник – попробуй, сыщи на него управу,

Приехал тайно к разбойнику-Соловью,

Дабы измыслить физруку окончательную ужю расправу.

Соловей-Разбойник (*ГлавОпричнику*)

Милости прошу к нашему шабашу.

Летописец

Стали кумекать, как привести физрука на плаху, совершив злокóзненный ход конём.

Решили выставить его футбольным шулером и прохиндеем перед царём.

Дали указ своему карманному арбитру судить игру теперь специально в пользу «Весёлых Ручьёв».

Соловей-Разбойник *(Лакею-Арбитру)*

Назначишь три пенальти в ворота соперника «Ручьёв» и сделаешь несколько удалений.

Дело важное. Призови для этого, голубчик, весь свой судейско-мошеннический гений.

Лакей-Арбитр

Регулярно оттачиваю это своё мастерство.

Намедни в матче сделал целый ряд упражнений.

Я всегда себя не жалея за заранее известный счёт на табло горой!

Будьте уверены, Ваша светлость. Засудим как надо, нам не впервой.

Летописец

Соловей-Разбойник повел ему перстом – иди.

Тот преданно взлыбился и удалился готовить то, что ему приказали его вожди.

Главный Опричник *(кивнул в сторону ушедшего)*

Этому твоему, судейке, волей-неволей, придётся отрубить голову тоже.

Соловей-Разбойник

Да я только – за! Надо так надо, пусть будет казнён, что же.
Он наш судейский корпус уже только компрометирует.

Так много засуживаний на нём,

Пора избавляться.

Пользоваться им дальше всё опаснее и опаснее с каждым игровым днём.

В отсечении ему головы двойная даже польза – борцами за чистоту рядов своих предстаём.

А отрубим голову и нате – мы праведные и чистенькие, как из бани, бери ласкай нас и люби.

Главный Опричник

Ну что же. Ну что же. Как поётся в одной песенке: Let it be.

Летописец

Соперник у «ручьевцев» сложный. Предчасие игры. На стадике кишмя кишит народооборот.

Зеленоват газон и пустовато поле и на табло пока что нулеватый счёт.

На предигровой разминке: три богатыря, в воротах Бражник, с ними Каланча.

Их поначалу от участия в туре этом отлуча,

Опричник с Соловьём, под маской доброты и милости скрыть чтобы махинацию,

Им аннулировали дисквалификацию.

А над поляною вскружились вороны, учуяли яд в футбольном бокале.

Кружат, зубоскалят, каркают, будто прознали о новом резком рубля обвале.

И, вот, с ненавистью ко всем окружающим взвизжал свисток судьи, объявив о начале.

Весёлоручьёвцы в атаке. Стрелец в штрафной. Вдруг свист. Пенальти?..

Соперники ручьёвцев окружили судью, кричат: «Обратно решение своё отсигнальте,

Ближайший защитник был от нападающего в метре, не интимнее!».

Арбитр суёт под нос главному спорщику красную, чтобы знал, морда, как легитимнее.

А от остальных требует: немедленно от меня отчальте!

И покорность на рожи свои напяльте!

Сделал запись себе в карманную бересту.

Рот его улыбался. Он просто упивался протестами.

Изъяснялся при этом только свистящим слогом и жестами.

Стрелец идёт к отметке, и демонстративно направляет мяч мимо рамки влево наискосок.

Лакей-Арбитр

Перебить! Вратарь вышел из ворот до удара!

Летописец

Стрелец бьёт снова. Теперь уже в правый угловой флажок.

Что потом началось, мать-царица!

Это был не футбол – клиника, психбольница.

Ещё перебивку пенальти под разными предложениями назначал судья четыре раза!

Поменял бьющего у «Ручьёв» зараза.

Но снова и снова мяч летел в угловые флажки, оставляя табло с нулями.

Волею арбитра лицо матча покрылось гематомами и чирьями.

Активность соперника весёлоручьёвцев сразу же сжира-лась судьёй на корню!

Наглая предвзятость его оголилась пред публикой до са-мого что ни на есть полного ню.

Трибуны кричали:

«Весёлоручьёвцы, Кузьмич, позор! Судья, совесть себе на взятку купи!».

Потом обе команды долго гонялись за судьёй как за зай-цем по футбольной степи.

Обе, так и не доиграв, ушли.

На весёлоручьёвцев легло подозрение в даче взятки ар-

битру.

Петарды, выпущенные с трибуны, топившей за «Ручьи», добавили ещё грязи в палитру.

И утяжелили общее обвинение, предъявленное физруку.

Валентин Кузьмич

Да вы что тут все что ли уже совсем ку-ку?!!

Летописец

Стуча себе костяшками по лбу,
кричал он в подтрибунных сенях трём богатырям на их упрёки.

ГлавОпричник хитро, ещё до матча, подсунул им на физрука кой-какие намёки.

Типа, от него некто!

Передал судье что-то!

Похожее на подкуп!

За победу с деньгами бурдюк!

Из-за того, что богатыри повелись на это дело и бегал в раздевалке вне себя физрук.

Валентин Кузьмич

Да-а... Читала мне в детстве бабушка на ночь страшные сказки... Но такую!!!

Добрыня Никитич

Эх, ты!.. А мы-то тебе верили! Не думали, что ты соскочишь на сию тропу гнилую!

Летописец

Богатыри ушли, кинув физруку свои рубахи футбольные со словами:

«Без нас в таких плутовских играх потей»!

И на их,

теперь пустых уже изнутри рубахах,

красовалась реклама бренда именитого поставщика лаптей.

ГлавОпричник вбил-таки клин меж друзьями и нейтрализовал опасных для себя витязей.

Физрука скрутили. Скрутили и судью к его недоумению, а с ним и всю судейскую бригаду.

А публика не уходит,

Ей в те же деньги глядеть – что футбол,

что голово-оттяпывание,

что ведем олимпиаду.

Итак, казнь. С казнями в Тридевятом всё налажено на загляденье хорошо и просто.

Тут же на футбольном поле весело пошли работы по возведению эстрады –

для казни помоста.

Дабы усилить важность события, прервав гимнастику,
Приехал и предстал народу и царь с семьёй на арене.

Выступил. Сказал о важности футбола, его реформах и
беспощадной его гигиене.

Царь

Футбол энто наше царствообразующее предприятие,
И всякие препоны ему равны диверсии и госизмене!

Летописец

Первым вывели судью. Он совершенно не сомневался, что
приговор ему отменят.

Увидев топор и палача, достал нагло папиросы.

Лакей-Арбитр

Да клал я на этот ваш театр кабуки.

Летописец

Но прикурить так и не смог. Дрожали руки.

Спрятал курево, вспомнив, что курение запрещено в пуб-
личных местах и на экранах кино.

И вдруг заталдычил палачу:

Лакей-Арбитр

И правильно! Вы сравните фото с легкими курильщика и
здорового человека!

Вот то-то и оно.

Летописец

Палач взял его за шкурку, кинул на плаху и-и-и... Тяп!!!..

Голова запрыгала и замерла на искусственном газоне.

На том самом, на котором только что сам всех по-своему казнил сатрап.

И, казалось, лежала она и слышала, как растёт трава на нём...

Рот её по привычке взлыбился,

сымитировав в последний раз верность отшедшего духа пред Отечеством и царём.

Далее вывели физрука.

Царь пожелал увидеть его поближе. Подвели ближе.

Царь

Странный жупон на тебе. Ты кто, из каких краев, что ведёшь себя так бесстыже?

Вот, Мы – монарх, Иван Кузьмич. Аз есмь Тридевятого государь.

А ты откель такой выискался? Давай, гутарь.

Валентин Кузьмич

Если в двух словах, как я сам себе это объясняю, – есть темная материя и черные дыры...

Царь

Ясно, дуализм.

Такие вот из темноты своей в любой квантовый переход пропихнутся без мыла. Проныры!

Валентин Кузьмич

Ваше Величество, тёмная, извините, это вы. А я из Воро-
нежа.

Из материи светлой, обычной.

Царь

Смотри-ка – остряк!

В нашу правильную материю попал, поди, опившись вод-
ки брусничной?

От алкоголя и идёт весь этот моральный релятивизм.

Валентин Кузьмич

Ваше Величество, извините, но из светлой – всё же я.

А вы, как бы это галантнее... О! Сюрреализм.

И я вообще не пью. Звать меня Валентин Кузьмич, я учи-
тель физкультуры.

Царь

Мы, значит, абстракция, вымысел, кубизм. А он реа-
лизм.

И решил, что мы тут в футболе тупы как куры.

Материализовался у нас и вздумал обрюхатить свою игру победами куплёного судейства?

Отрубите-ка ему нашим сюрреалистическим топором башку –

за реалистичность его злодейства.

Валентин Кузьмич

Не-ет, видно мне уж не вырваться из этой жуткой сказки.

Ваше Величество, я же всё во благо вашего футбола, незнающего материнской ласки!

Откуда будет чемпионства урожай, когда футбол у вас хоть ноздри зажимай!

Царь

Казнить. Довольно этой свистопляски.

У нас здесь в Тридевятом энто не хилает – пустой базар и чахлые отмазки.

Валентин Кузьмич (*болельщикам на трибунах*)

Люди! Я хотел вразумить и поднять в элиту этот ваш недо-футбол,

А вы мне плаху вместо благодарности?!

Царь

И вбейте оборотню осиновый кол,

Дабы не имел привычки перечить нашей экзистенциальности.

Подумать только – он выведет в пуп Вселенной наше мячёнóжество!..

Подкупом и договоряками?!

Да тебя в желудочной кислоте сварить мало за такое художество.

Главный Опричник

А ещё народ с трибуны горланил: «Кузьмич, позор». Ух, охальники!

Царь

Ну это уже совсем не лезет ни в какие подштанники.

Главный Опричник

А фанаты вовсю палили файеры.

Царь

Опять эти петардарáсты!

Главный Опричник

Скрутить бы им всем, Ваше Величество, ласты!

Кричать: «Кузьмич, позор»! Ведь, с такими ассоциациями недалеко и до революции.

Царь

Всё! Неча тянуть! Валяйте, приступайте к экзекуции!

Летописец

По царёвой руки небрежному взмаху,

Валентина Кузьмича подвели и уютно уложили головой на плаху.

Палач острит кол осиновый,

А физрук в ожидании острых ощущений мыслит в одном лишь роде:

Валентин Кузьмич *(мысли вслух)*

Эх, вот-вот и пошёл бы в отпуск, копался бы у себя на даче, на огороде,

На берегу реки усманки загорал бы тихо, мирно.

Как всё-таки судьба в своих гадких наездах настырна.

Директор школы, формалист, перфекционист, патологический педант,

Запишет мне за эти дни прогулы,

Ему хоть голову мою на стол положат, ведь, не поверит, одно все скажет – симулянт.

Летописец

И вот, пока то да сё, пока палач свой рабочий инструмент правит бритвы острой,

Петя Бражник со Стрельцом бросились в путь и нагнали

богатырей.

Обосновали им невиновность Валентина и убедили вернуться для его вызволения.

Но в таких случаях, как известно, всё решают мгновения.

Палач уже направился к физруку. Да тут перед ним вдруг – на те вам – Каланча.

И пошла пляска вправо-влево. Довёл он ею изувера до всеохватного паралича.

А стадион бурлит.

Одни вопят:

«Свободу Кузьмичу!»,

Другие орут:

«Казнить футболопродавца! Отсоединить голову пришлону ловкачу!».

Смута поднялась великая. И пошло:

сектор на сектор,

лохматый на лысого,

бритый на бородача,

отец на сына,

фанат на фаната!

И – что страшнее всего – кузьмич на кузьмича...

Все ровно ополоумели. Будто заразу пакость эту подцепили – инстинкту стадную.

Не приведи нам всем узрети междусобицу меж кузьмича-

ми –

бессмысленную и беспощадную.

С ними рядом, я думаю, даже фанатские разбирахи выглядели бы блеклыми фиоритурами.

Но тут вдруг разом всё прекратилось.

И все как были, так и застыли каменными скульптурами...

И обомлев в изумлении, уставились лупооко в одном направлении...

Здесь надо сказать о том, что у царя и вправду имелась дочь.

Лицом не плоха. И ничего фигурой.

Но прилипла к ней одна напасть будто скотч.

Что не увидит, всё в ней рожает смех.

Тычет пальцем и заливаётся даже там, где и близко нет никаких потех.

Регочет и никто не может заставить её взглянуть на мир с нужной сурьёзностью.

Во всём и в каждом найдёт-таки смешного.

И всё-то внутри её обязательно вывернется курьёзностью.

Золотая молодёжь! Извратился в царском чаде папы с мамой генетический чертёж.

От этого круглошуточного во дворце смеха приходя в содрогание,

И чрезвычайно опасаясь за физиологию наследницы,
Царь однажды велел объявить состязание:

«Кто сможет усерьёзнить принцессу без ворожбы и анти-научной медицины,

Тот и будет с Царевной-Смеяной зарегистрирован в качестве второй её половины!

А в придачу добавлено будет пятьдесят процентов от Тридевятого!».

Многие сразу кинулись освобождать хохотунью от ейного смеха триклятого.

Различные были кандидаты – простой народ и из князей, Претендовал среди других даже целый ансамбль ложкарей,

Тщился заполучить трофей. И шансы были неплохи
У ложкарей, чтобы пробиться в женихи.

Но всё пустое. А тут увидела она нашего физрука,
И вдруг, глядит без смеха, насупленной, чем перед битвой царские войска.

Царь приостановил казнь – дабы не упустить счастливый момент.

Но для пущей убеждённости поставили сугубо научный эксперимент.

И всё подтвердилось.

Покажут принцессе кого попало – визжит царевна от сме-

ха розовой свинкой.

А предъявят ей Валентина Кузьмича –
взгляд делается сурьезный. И даже мальчика с грустинкой.

Царь (*Главному Опричнику вполголоса*)

Поди-ка сюды... Так казнить его аль нет? Не думы, а с
цементом мешки.

Слово царское дал и там, и тута.

В женихи-то станет ужо ж не гош без башки

Энтот выпускник пединститута.

Как бы выпутаться мне без потери лица? Сомнения рвут
грудь.

Тут любое из решений – мне что ртути хлебануть.

Главный Опричник

И мне на вашем месте, Ваше Величество, любой выбор
был бы, что урана изгрызть изотоп.

Это я, конечно, утрирую чуть-чуть.

Но за одни только эти ваши муки должен быть трижды
изведён этот гадкий футболофоб!

Царевна в силу своей юности, не увидела ещё пока у зло-
дея потёшного.

А как, дозреет, увидит, да расхохочется, что тогда?

Нет, я полагаю, что в отрублении головы всякому нет ни-
чего поспешного.

Мы-то – вы и я – уже и сейчас видим, что он смешон про-

сто жуть.

Смешнее нас с вами.

Царь

Что-что?

Главный Опричник

Нет, это я, конечно, опять утрирую чуть-чуть.

Царь

Повелеваю так: этому несмешному временно отсрочить казнь.

Хотя мир синтетический, из коего он прибыл в наш натуральный,

И вызывает у меня заочно аллергию и неприязнь.

В следующем туре у «Весёлых ручьёв» соперник-то кто? ФК «Опричник»?

Моё слово: станет женихом пришелец,

Ежели «Весёлым Ручьям» покорится нашего первенства лидер-единоличник.

Ну, а если нет, то значит плаха.

Главный Опричник

Ваше Величество! Да как же можно миловать этого вертопраха!

Он же опять хитростями, да подкупом и решит вопрос!

Царь

А из-за кого же, интересно, наш футбол так опорочился?
Барбос!

Тебе доверил я игру, а ты загнал её в навоз?!

Скажи, не мучала вчера тебя докучливо икота?

Тебя топор всё вспоминал. Пала-ач, проснись, тут есть работа.

Главный Опричник

Ваше Величество, это Соловей-разбойник! Он принуждал меня! Его интриги!

Я только ждал, чтобы прилюдно сорвать с него листочки фиги!

Царь

Ах ты, базага! Мне видеть противно твою глупую рожу.

Принеси мне вот ту гирию потяжелей, я в тебя брошу.

Изымати мне Соловья!

Летописец

И, вот, как на язву, как на первопричину иммунодефицита родного футбола,

опричники накиннулись на Соловья-бандита.

Но тот, зачатый в подворотне от грифа, глав-верховод у бандитья,

Их отчихвостил. Под птичий клетот и с позором бежали царские дядья.

На него рванул физрук, но его в последний момент успел поймать богатырь Илья.

И вышел сам. Провёл майтэ, гьяку цки, мавáши гэри, йóко тóби и урезонил бугая.

Главный Опричник

Так его!

А я, Ваше Величество, мяченожество наше честно пытался вытащить, пардон, из клозета.

Я старый футбольный романтик, ну казните меня за это!

Но, Ваше Величество, ошибки, клянусь, свои искуплю.

Дайте мне только ботфорты с шипами, да мячишко,

За вас порву любого султана в ключья и сам залеплю голишко.

Только кто же будет судить «Ручьи»-то с «Опричником»?

Разве что взять арбитра за границей взаймы.

Царь

Кто судить будет? Лично Мы!

Отсужу не трепещи, по совести и ловко.

Моряк на суше не дешёвка!

Летописец

До игры оставалось три дня.

И каждый оседлал своего кто ишака, кто коня,

И повёл подготовку сказочного объёма.

Физрук искал, чем взломать оборону «Опричника» –
тактику на вроде фомки или стального лома.

Царь сам себя закалял как арбитра, испытывал на искус
взяткой,

Сам себе предъявлял горчичники, сам себя удалял за гру-
бый фол с накладкой.

В общем, сверхдотошно гонял себя по теории и практике
футбольного арбитража.

ГлавМенеджер силился спойть Бражника и подкупить Ка-
ланчу.

Но не извлёк здесь авантажа.

Но, что тревожнее, велел тайно арестовать и заточить в
тюрьму Стрельца.

А там понуждал паренька подписать передачу прав на его
продажу

в пользу самого себя стервеца.

Однако Стрелец упёрся, встал на дыбы,

Не желал: ни переходить в ФК «Опричник», ни подписы-
ваться в рабы.

Пребывая в заточении, плюёт на все вышеозначенные
предложения,

Выражая опричнине воз с прицепом своего презрения.

И, вот, наконец, настал час судьбоносной игры.

Сошлись на поле разномастные макро и микромиры.

Решалось, пойдёт ли футбол три девятого в рост иль так и задолгонедужит в болоте.

Хорошо известно, что двум портретам не уместиться на одной банкноте.

В короне и трусах, докучлив, непредвзят, малейшие нарушения тут же тренбжа,

С золотым свистком во рту без устали порхает от ворот до ворот Царь-надёжа.

Принципиален от подошвы до лысины, у него закон игры не дышло.

Впрочем, упорного соперничества между командами так и не вышло.

Как итог: семь – ноль. Семь – но-оль!

Здесь царю и открылось, что без подсуживания ФК «Опричник» полная голь.

Пять мячей положил сбежавший из заточения Стрелец, успевший на матч ко второму тайму.

«Весёлые» играли на загляденье, из любви к игре, не по найму.

Царь изумлён: в «Опричнике» же профессионалы, и за счёт госкорпорации. А по уровню дилетанты.

Самый Главный Опричник в пароксизме сник и горстями

грызёт супротив-депрессанты.

Царь

Да как они лидировали-то?!

Футбол их выглядит анекдотом.

Они специально что ли показывают такую игру, чтобы болеющий за них выглядел идиотом?

Главного Опричника схватить и в кутузку! В кутузку!

Эй, зять! Ты Кузьмич и я Кузьмич, будем мяченожеству нашему делать с тобой апгрейд.

Известно там в вашей тёмной материи, хоть, что это?.. Эх, фанера, да перезагрузку.

Валентин Кузьмич

Ты, Иван Кузьмич, пойми меня правильно и не кати на меня баллоны.

Отпустил бы ты меня домой и не творил препоны.

Ну, какой из меня дочке твоей зять? Мы же из разной с ней материи.

К тому же есть у меня одна слабинка, серьёзный один есть грешок.

Наклонись, Ваше Величество, шепну на ухо, чтобы дамы не слышали... Я ходбк!

Вы мне тут в вашей сказке уже все не чужие, так я, вот, всё без утайки.

Царь

О-о-о... Вона что... Ну и я не буду петь шелудивому коту байки.

Ходок-то ты был, ведь, там, у себя в темноте.

Ну, а коль у нас от дочери моей заходишь тут по срамоте,

И полезешь к другим бабенциям под подол,

В отдушину тебе меж ног поставлю тринитротолуол.

Но... Я и сам не понаслышке знаю – правда, недуг сей тяжёл.

И потому, Валентин Кузьмич, твой выбор:

Тротил меж ног, коль в блуд пойдёшь? Иль посадить на кол?

Валентин Кузьмич

Ты не пугай. С футболом, как смогу я помогу,

Ну, а в зятя категорически уволь!

Царь

Не спрыгнешь. Подбор зятьёв курирует мой Госконтроль!

Но вызываешь беспокойство своим противоестественным ты поведением.

Человек в адекватности не может не хотеть быть Мне зятем.

И потому здоровье здесь тебе подправим мы принужденным лечением.

Валентин Кузьмич

Кузьмич, Ваня... ну ты хоть на время приличного человека из себя сотвори,

Я слышал, ведь, у вас тут скоро очередные выборы тебя в цари.

Царь

Потише. Мы ж уже вроде как сродники.

А прилюдно бросаемся друг на дружку в штыки.

Едем-ка ко мне во дворец. Там и погутарим максимально подробно и по-мужски.

Летописец

Долго в ту ночь не гас свет в окнах царёвых палат,

Долго ещё там спорили и искали согласия кузьмичи,

Долго ворочали и перекладывали тяжёлого разговора брёвна и кирпичи.

Тот Кузьмич, который Валентин, просил отпустить его домой в свою материю.

А тот Кузьмич, который Иван, заявлял, что не ему совать нос в космическую бухгалтерию.

Царь

Раз переместили тебя из твоего воронежского рукава галактики в наш рукав Тридевятого,

Значит и должи́н исполнять свою вселенскую миссию – мужа на моей дочке женатого!

Летописец

Предварительно всё-таки сошлись на том, что тот Кузьмич, который физрук,

Возглавит сборную Тридевятого, примерит на себя, так сказать, тренерский её сюртук,

А заодно организует здесь Центр современных всефутбольных наук.

Царь

Задача-минимум тебе, и не закатывай мне тут глазки,
Выйти в финал Чемпионата мира нашей с тобой сказки.

Валентин Кузьмич

Финал Чемпионата мира вашей сказки?!

Царь

Нашей с тобой.

Валентин Кузьмич

Иван Кузьмич, у тебя от головы далеко лекарства?

Царь

А по-другому, Валентин, извини, не могу.

Иначе мне султану отчекрыживать полцарства.

Валентин Кузьмич

Да-а... Ну, а если станем?

Отпустишь меня домой, на Черноземье? На Рабочий проспект в Воронеж?

Царь

Я-то думал ты к нам на ПМЖ...

Ну, ежели, честь Тридевятого не распатронишь,

Эх! Как не жаль мне разлучаться-то с дочуркой – отпущу!

Валентин Кузьмич

Да нет, я думал, как и сюда пришёл, обратно тоже вернуться один.

Царь

Ну, милый мой, один не всегда себе господин.

И всё! Разговор окончен.

Валентин Кузьмич

У меня тогда тоже условие. Свадьба после чемпионата.

Царь

По рукам! После победного финала сразу же и будет утверждена дата.

И без фокусов! В нашу органическую материю не тяни произвол из своей неорганики.

Там, где ты был, это тебе не тут.

Здесь тебе, милый мой, мигом лапти сплетут.

Летописец

И принялся физрук, как наставник сборной Тридевятого,
Вести уже под неё селекцию,

Дабы сборная, как сплочённая команда,
явила на чемпионате мира победно-атакующую комплек-
цию.

Ездит Валентин на игры первенства,

Подмечает интересных игровочков под свои схемы.

В бич-баре у моря встретил дядьку Черномора – лидера
дайверовской богемы.

С ним же были в чешуе, как жар горя, и тридцать три бо-
гатыря.

Кузьмич прикинул: наверняка есть у дядьки кто-то из под-
опечных и для сборной.

«Никого», – угадал как отрезал его мысль дядька. – «Мы
спецы по ватерполо.

Тяжек воздух нам футбола».

И, отдав отмашку взводу, вобрать грудью кислороду, по-
грузились все под воду.

* * *

Чемпионат мира по футболу проходил в этот раз в обста-

новке свершника, лоска и изыска,

И проходил совсем не близко. В краю Трипятнадцатого государства,

Но царь наш, Иван Кузьмич, поехал, не взирая на круизные мытарства,

И всё предусмотрев, дабы не допустить на старуху проруху,

Захватил с собой даже всю придворную фан-движуху.

Царь

Няньки, мамки!

Где заряды, где кричалки?!

Няньки-мамки

Нам сегодня пруха прёт,

Три девятое – вперёд!

Летописец

Чемпионат мира собрал всю экзотику сказки.

Сборная Тридевятого на феерической закваске,

Сделанной тем Кузьмичем, который Валентин,

Обыграла одну за другой, и это только ещё на стадии групповой:

сборную царя Гороха,

сборную ацтеков

и сборную гладиаторов Древнего Рима.

В плей-оффе поперву обули сборную Сказочной Нечисти. Приличную, кстати.

Возрастную, правда.

Сами судите, если Кашей-бессмертный играл стоппера в этом антиквариате.

Блистал же у сборной вражины хвостатый, трёхголовый Горыныч Змей.

Техничный гад, выигрывал в три своих калгана вверху все этажи.

Но тридевятовцы отгрузили-таки нечисти четвёрочку сухих мячей.

Соперник агрессивный – огнедышащие атаки и отбор мяча, не отбор, а грабежи.

Пыталась нечисть и колдовать. Но этим здесь не возмёшь.

При каждой сборной есть своя Баба Яга, колдун или джин, Ну и, в общем, как коней бумажных, порвали этот зоомагазин.

Потом опрокинули сборную богов – с античного Олимпа посланцев.

За ними обыграли с минимальным счётом очень волевою команду спартанцев.

По другой турнирной ветке навстречу шла сборная Сул-

таната,

Легко выигрывала всё, будто пред ней не мировые гранды,
а несмышлёные пацанята.

Игра султановцев, казалось, содержала в себе некие маги-
ческие флюиды,

Ходили слухи даже, что игрой их управляет мумия, лёжа
навзничь из пирамиды.

А сборная Султана посмеивалась,
Зло щерилась в победных своих острозубых оскалах.
Но самые-самые бои-трагедии, как известно, чаще всего
случаются именно в полуфиналах.

Так-то и вышло. Полуфинал. Сошлись. Тридевятое со
сборной Султана.

До игры султановцы пред игровым табло, как перед ликом
истукана,

Совершили традиционный религиозно-культурный обряд.
Воздали экрану табло дары, поклоны и жертвоприноше-
ний ряд,

Дабы оно, как Божество к ним оказалось благосклонно и
от своих щедрот

По результатам матча им высветило бы победный счёт.

Султан восседал в vip-ложе.

И хотя выглядел толстокоже,

Измочалил себе всю бороду и ус,

Видно, как хочется чужого полцарства уже по роже.

Видно, как давит ему под чалмой на маковку алчности груз.

Иван Кузьмич в этом же секторе. Внешне серьёзен, невозмутим.

Одет по моде и статусу – в короне, в мантии, в бабочке.

Одно выдаёт нервозность –

покинул отель и приехал на стадион, не переобув шлёпки-тапочки.

Физрук держится бодро, но зыбь волнения нет-нет, да и пробежит вдоль спины.

Валентин Кузьмич *(перед зеркалом)*

Если всё-таки когда-нибудь вернусь к себе,

Исчезнет или нет появившийся в этой реальности клочок седины?

Летописец

Итак, на центре поля мяч – такой же живой участник исторического события.

Игра началась, и тут же бурно обозначилось её развитие.

Не из боязни потерять полцарства, а по тренерской воле,

Тридевятовцы с первой секунды метнулись в атаку,

И сами стали угрожать территориальной целостности со-

перника, но на футбольном поле.

Потом постепенно игра выровнялась.

Потом была взята султановцами под контроль.

Потом они прижали тридевятовцев к воротам.

А потом начали возить их аки детей, поперёк да вдоль...

Что-то разладилось, в чём-то допущена была оплошка.

На ворота Бражника началась бомбёжка.

Все на своей половине. Даже три богатыря отошли назад.

Лишь Стрелец в центре силился игры поменять расклад.

Зацепился за мяч вот. Рванул вперёд, оторвался и сошёлся с оборонцем ретивым,

Финт туда, финт сюда, не ведётся,

Упёрлись лбами с янычаром черногривым.

Стрелец влево, но защитник парень цепкий, ловко выписал дугу,

Оказался тут же рядом,

Форвард шепчет: «Убегу».

Тут защитник, там ворота,

И до них ногой подать.

И Стрельцу одна забота:

Надо, надо убежать.

А защитник усмехнулся, оттирает его в край,

В бок ширнул, потом в колено, вроде как бы невзначай,
Но ни жалобой, ни плачем тут команде не помочь,
Рвётся парень на ворота, боль стараясь превозмочь.
Мчит вперёд – крутого нрава,
Мчит, что пыль стоит стеной,
Тридевятая держава видит:
Наш Стрелец герой!

Кость гудит от раны старой,
Заживлённой по страховке,
И Стрельцу, чтоб крепче бить,
Здесь, в футбольной потасовке,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Вот сместился, и в мгновенье,
Бить с обоих ног мастак,
Бьёт! Бьёт не глядя, бьёт в падении...
Есть! Гол! Банка! Вот он гол, венец атак!..

Стрелец... порвана рубаша,
Встал с травы, оправил форму, сжат в объятиях коллег.
Взгляд серьёзный, дышит тяжело –
Поработал человек.

Но игра не поменялась... Того более, – соперник удесяте-

рил наскоки,

Оборона тридевятовцев пожиралась им как персик, как изюм, как пахлава,

И на мяч, забитый нами, замастырил сразу два.

Перерыв.

В перерыве, пока царь с Султаном раскланивались, да улыбались,

Ломали шапки, разводя приторной дипломатии сыр-бор,

У физрука в раздевалке с командой состоялся нешуточный разговор,

Подсказал и пропесочил, коррективы внёс в свой план,

На плечах, поди, не тыква, не капустаный же кочан.

С госдипломом педагог, не какой-нибудь пацан.

Сочных слов дружине молвил и Илья, как капитан.

После перерыва тридевятовцы вышли, суть, сплочённая команда, не фуфло.

Ну и с началом второго тайма поехало и пошло.

После перерыва тридевятовцы вышли и сразу поймали свою игру.

Сборную Султана сходу разнесли как детвору.

Всё, что мешало, как могучим ураганом улетучило.

Из главного претендента на чемпионство подобно таксидермисту слепили потешное чучело.

Как не задабривали до матча султановцы табло,
Как не разводили перед ним свою церемониальную кашу,
А итоговый счет табло показало: 6-2. В нашу!

Царь Кузьмич, распираемый восторгом,
Не смущаясь, что теряет шлёпанцы на ходу,
Еле-еле пробрался через восхищенно аплодировавшую
ему vip-среду,
Прибежал в раздевалку, по дороге разодрав штанину,
Чтобы, так сказать, пожать, обнять, облобызать, поздравить тренера и всю дружину.

Царь

Всех награжу! А за победу в финальной дуэли,
Каждый получит ещё и по импортной карете последней модели!

Султан-то видели? Из вип-ложи сбежал, даже не попрощавшись!

Не дожидаясь даже финального свистка!

Но более всего я рад, что одолели не за счёт какого-то хитроумного тактического крючка,

Хотя и это было. И не беготнёй,

Не техническими вывертами, трюками и лихачествами,

Хотя и того хватало.

А главное, что победили в первую очередь высокой культурой и душевными качествами.

А ты, зятёк, ну-ка, на два слова...

Да не смущайся, лучше меня не сыщешь тестей-папаш.

Молодец. Рад. Доволен. И хотя ты родом не наш,

Из чернозёмной материи, из иррационального пространства,

Получишь не только царевну в жены, но и наше реальное, тридевятое гражданство.

Счастлив? А как же. Ещё бы. Будешь жить у меня во дворце не как в золотой клетке,

Как синичка во взаправдашнем раю на ветке!

Валентин Кузьмич

Твоё ж Величество... ты ж говорил, что отпустишь, если выйдем в финал.

Царь

Да зачем тебе обратно в твой воронежский астрал?

Ты смотри, какой у нас тут превосходный материал,

И в каких волшебных красках!

Диссертацию напишешь: «Роль футбола в русских сказках».

Здесь тебе жена-красава, жизнь на гособеспеченьи, флуд-контакт среди элит,

Здесь весь царский соцкультбыт!

По профессии работа. Может мало тебе фарса?

Мой придворный звездочет уловил сигналы с Марса!

И провел расшифрование. Восхищены нашей игрой, вызывают нас на бой.

На футбольный. Иль ты на Марс невыездной?

Валентин Кузьмич

Ты сказал бы звездочёту, чтоб перенёс меня домой,
Может он какие б сделал в этом смысле коррективы.

Царь

У тебя тут перспективы!

А ты мне всё про переносы.

Дал приказ я звездочёту, им на Марс послать вопросы:

Кто судья, с какой планеты?

Мяч, трусы какого цвета.

Все узнать и обсудить.

Какой формы у них мяч. Как там бьётся угловой.

И сколько мест нам предоставит Марс на сектор гостевой.

Летописец

Вести об игре тридевятовцев, и взаправду, со скоростью
света разлетелись

в тридцать три конца.

Разные информагентства только этому и посвятили свои
выпуски

и особенно игре Стрельца,

Совсем юный, а лучшие сказочные защиты загоняет в ту-

пик,

Шутка ль, – сборной самого Султана
забабахал взял хет-трик!

А Иван Кузьмич разошёлся, направо и налево за всех сам
рассыпает интервью.

Деловито разъясняет, как он по своему уму, да утончён-
ному чутью,

Провёл нужные реформы, про свою жизненную филосо-
фию спел аки щегол,

И как, благодаря ей, за куций срок у него взлетел футбол.

Как подскочил на десятки ступеней именно из-за филосо-
фии этой высоко вверх,

Солидно с графиками и цифрами растолковал Кузьмич
подробно-доходчиво для всех.

Открыл секрет, как вырастить таких звёзд, как три бога-
тыря, Бражник, Каланча, Стрелец.

И теперь по его методе такое ж сотворить не сможет разве
только ребёнок или глупец.

Все со вниманием слушали, напрягали мозг из последних
сил,

Но конкретно, что же делать, так никто не уяснил.

Физрук же уразумел своё, – что царь, не ведая стыда,

От себя его отныне не отпустит никогда.

И не дожидаясь финала, пока шум, да гам, дерзнул физрук

дать домой дёру,

А по дороге всё прикидывал: как добраться-то в Воронеж,
по какому коридору?

Бежал. Плыл. Ехал так да сяк.

И добрался для начала из Трипятнадцатого царства в Три-
девятое кое-как.

Мчался дальше. Шёл. Снова плыл. На коне скакал.

В Весёлых Ручьях задержался у невиданного им ранее
спорткомплекса с вывеской:

«Футбольная академия «Заветы Кузьмича». Филиал».

Решил физрук, что должна она называться иначе, точней,

Взял у маляра кисть и исправил «Кузьмича» на «кузьми-
чей».

Валентин Кузьмич

«Футбольная академия «Заветы кузьмичей».

Так-то будет поскромней.

Так-то так... но завтра мне вроде бы надо уже из отпуска
выходить на работу,

Где, интересно, этот клубок паутины, который привёл ме-
ня ко всему этому анекдоту.

Летописец

И чуть сам же не раздавил его.

Клубочек тут, как тут – кругл, покат, румян, спокоен.

Клубочек

Господин физрук, я здесь. Здравия желаю. Маршрут построен.

Летописец

Но под мяченожный шум и гам состоялось не только это убегание.

Царевна-хохотунья тишком выпустила из тюрьмы объект своего тайного обожания.

ГлавОпричника!

Она, ведь,

почему при физруке вдруг осерьёзнулась, а ране всё смеялась будто её контузило?

Да потому, что угадала в нём угрозу дружку своему, и вельми перетрусил.

И, вот, высвободившись, ринулись они бежать за границу.

Но, заметив пробежавшего мимо физрука,

Главный Опричник вздумал мстить!

Быстро прыгнул в колесницу,

И взяв царевну-озорницу и разбойничий притон,

С пистолетами, ножами бросился за физруком вдогон.

Царь обо всём узнал от курьера из секретных корреспон-

денций,

Узнал прямо по ходу одной из своих пресс-конференций,
Как раз тогда, когда он вертелся воодушевлённо с указкой
возле таблиц.

Прервав доклад, тут же приказал изловить всех этих сбежавших лиц,

И представить их ему в режиме блиц.
Особенно молниеносно тот Кузьмич, который царь Иван,
Желал, чтобы любой ценой накинули аркан и ему возвернули

того Кузьмича, который физрук Валентин.
А вспомнив, что тот вроде бы ходок, прибег к хитрости –
Отправил с опричниками в качестве приманки на его излов отряд балерин.

Царь

Всё перекрыть! Никого не выпускать ни из сказки, ни из мифов, ни из былин!

Выделить деньги на погоню! Согласно имеющегося у нас, конечно, при дворе прейскуранта.

Изловить и доставить ко мне этого наглого репатрианта!

Летописец

А клубок, особо не мешкая, вёл и вёл физрука за собой.
Плыли через реки, через чащи топали особой потаённой тропой.

Время от времени физрука нагонял женский смех за спиной,

Безостановочное девичье ржание.

Бывший ГлавОпричник с невестой и шайкой уже потирали руки и проявляли от его поимки своё злобное ликование.

За всеми беглецами в совокупности шла уже погоня царская,

Не оставляя без огляда ни кустиков, ни ложбин.

Хитро расставляя на физрука то там, то здесь подсадными утками вертящихся балерин.

А царь, Иван Кузьмич, всё думал:

Царь

Погоня-погоней, а послезавтра-то, ведь, финал.

В целом и частном свою вину я перед тем Кузьмичём, Валентином-то, осознал.

Действительно, пошёл на поводу у собственного тщеславия я и эгоизма,

Да. Есть ещё пока такие слабости у моего царского организма.

На пресс-конференциях тоже наболтал чего много, а теперь поди, докажи на деле.

Давай, попробуй подтверди результатом, что ты не мел-

кий клоп на футбольном теле.

Летописец

Физрук же,

пустившись в обратный путь домой, оставил Илье Муромцу для команды записку,

С просьбой о понимании, с признанием уважения и любви,

Что хотя они и из разных сказок, а всё же одной кровью.

А кроме того, подробную установку каждому игроку дал,

И общий тактически хитроумный план командной игры на финал.

Бежали-прятались Валентин Кузьмич с клубочком, и вынесло их на лесную опушку.

На ней воздушный шар. Физрук в него мигом прыг, едва услышал сзади из лесу хохотушку.

Воздушный шар будто и ждал этого как приказа,

Пошёл быстро вверх, и началась у физрука теперь в жизни воздухоплавательная фаза.

Смотрит вниз и видит, там, где располагалась энта лесная авиабаза,

Собрались, задрав головы, обе погони у старого вяза.

Эх, Тридевятое–Воронеж – не достанешь, не догонишь!

Летит шар.

Вот, машут ему снизу руками весёлоручьёвцы,
царь,
три богатыря,
Каланча,
Стрелец,
Петя Бражник.

Царь там, внизу, в соответствии с моментом произнёс воз-
вышенный спич.

Летит шар.

Вот на поляне Марфа, Анфиса, Прасковья и Варвара,
Каждая с малым ребёнком, а дети – все вылитые Валентин
Кузьмич.

И тут срама и блуда ни грамма – государственное дело.
Царские указы негоже принимать за карикатуры,
Приказал царь – и заложили девушки основы передовой
футбольной инфраструктуры.

Машут руками весело, воздушные поцелуи шлют. И поют.

Марфа, Анфиса, Прасковья и Варвара

(на мотив песни-прощания с Олимпиадой-80)

До свиданья, Кузьмич, до свиданья,
Наш восторг, наш экстаз, наш кумир,
До свиданья, Кузьмич, до свиданья,
Возвращайся в свой призрачный мир.

А шар летит!

И, вот, уже видно внизу штыри-высотки,
Милые сердцу на автотрассе пробки,
Знакомую будничную суету,
Физрук глубоко с наслаждением вдохнул аир, родную за-
газованную нечистоту,
Показал из облака кукиш гибэдэдэшнику-взяточнику, де-
журившему на земле на своём посту.
Постовой посмотрел сурово в небо,
И внезапно воздушный шар стал резко падать и терять вы-
соту...
Пассажир его от удара лишился сознания,
И воздухолёт поглотила городская пучина...
И, что интересно, произошло это прямо почти по месту
работы нашего Валентина.

В компьютерном классе школы, где оказался, словно и не
выходил, физрук,
К его неудовольствию, уткнувшись в монитор носом,
Школьники выбивали из клавиатуры характерный стук.
Валентин открыл глаза, нахмурился, хотел было отклю-
чить электричество
и положить конец этому компьютерному ярму.
Но тут заглянул в класс завуч и отвлѣк напоминанием, что
через неделю в отпуск идти ему.
Кузьмич, услышав про свой отпуск, ощутил пѣстрых смут-
ных эмоций целую оранжерею.

Задумался, что-то усиленно припоминая, и потёр недовольно шею.

А под потолком в углу паучок, блеснув алмазом, украшающим его спину,

Вельми бойко зарядил снова плести свою IT-паутину...

И Валентин, теребя вихор седины на темени, услышал вдруг знакомые голоса.

Светлое, щемящее чувство окутало сердце физрука,

Отчетливые и ясные напевы, манили куда-то в сказочную даль и в небеса:

Марфа, Анфиса, Прасковья и Варвара

Возвращайся, Кузьмич, возвращайся,

Ай-я-яй! Ай-я-яй! Ай-я-яй!

Возвращайся, Кузьмич, возвращайся,

Приезжай, приезжай, приезжай,

Приезжай, приезжай, приезжай,

Приезжай, приезжай, приезжай...

ФИНАЛЬНЫЙ СВИСТОК